

Е. Д. Горячева

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли интерсубъективности в организации интертекстуальности и – шире – прецедентности художественного дискурса. Художественный дискурс, изучаемый с позиций интерсубъективности, предстает как соотношение авторского замысла и рецептивно-интерпретативной деятельности читателя. Актуальность исследования определяется важностью обоснования когнитивно-прагматического статуса интерсубъективности в функционировании прецедентных феноменов в художественном дискурсе, который трактуется как диалогическое взаимодействие автора и читателя, что способствует возникновению интерпретативной поливариативности при акцентировании на центральных для автора смыслах эстетической коммуникации. Материалом исследования является текст романа Дж. Харрис «Джентльмены и игроки» в оригинале и переводе Т. В. Старостиной; методы исследования составляют целостный комплекс, в котором приоритетны сравнительно-сопоставительный метод, метод анализа и синтеза, коммуникативно-прагматический и дискурсивный анализ, филологическая интерпретация. В ходе исследования установлено, что реализация интерсубъективности в художественном дискурсе возможна только при наличии у читателя достаточных фоновых знаний для распознавания и декодирования прецедентных феноменов. Прецедентные феномены характеризуются синтезом когнитивного и прагматического компонентов, уточняя эстетические смыслы в тексте романа Дж. Харрис «Джентльмены и игроки», участвуя в формировании образов персонажей, и влияют на декодирование читателем характеров героев и событийности в семантическом пространстве художественного дискурса.

Ключевые слова: художественный дискурс, интерсубъективность, прецедентный феномен, интертекстуальность, фоновые знания, рассказчик

E. D. Goryacheva

PRECEDENT PHENOMENA IN THE SPACE OF INTERSUBJECTIVITY OF LITERARY DISCOURSE

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article examines the role of intersubjectivity in the organization of intertextuality and – more broadly – precedence in literary discourse. Literary discourse studied from the standpoint of intersubjectivity appears as the correlation of the author's intent and the receptive-interpretive activity of the reader. The relevance of the study is determined by the importance of substantiating the cognitive and pragmatic status of intersubjectivity in the functioning of precedent phenomena in literary discourse, which is interpreted as a dialogical interaction between the author and the reader, which contributes to the emergence of interpretive polyvariability while emphasizing the central meanings of aesthetic communication for the author. The material for the study is the text of J. Harris's novel "Gentlemen and Players" in the original and T. V. Starostina's translation; the research methods constitute a holistic complex in which the comparative-contrastive method, the method of analysis and synthesis, communicative-pragmatic and discursive analysis, and philological interpretation are prioritized. The study established that the realization of intersubjectivity in literary discourse is possible only if the reader has sufficient background knowledge to recognize and decode precedent phenomena. Precedent phenomena are characterized by a synthesis of cognitive and pragmatic components, clarifying aesthetic meanings in the text of J. Harris's novel "Gentlemen and Players", contributing to the formation of character images and influencing the reader's decoding of the characters' personalities and the events within the semantic space of literary discourse.

Keywords: *literary discourse, intersubjectivity, precedent phenomenon, intertextuality, background knowledge, narrator*

Введение. Многоаспектность понятия *дискурс* создает определенные трудности в изучении этого сложного феномена, которые одновременно определяют и эвристические перспективы дискурсивных исследований. Актуализируя взаимодействие участников определенной сферы деятельности, дискурс формирует ее вербальное пространство, результатом чего является текст или совокупность текстов.

Дискурс, трактуемый М. Фуко весьма широко в параметрах исторической реконструкции условий развития теорий и знаний вообще, является совокупностью «анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил» [23, с. 11], причем такие правила обуславливают собственно воздействие высказывания в конкретном географическом, экономическом, социальном, языковом контексте. Конечная совокупность правил, по которым организуются высказывания в языке, определяет и саму вербализацию представлений, ограничивая их бесконечную множественность [22, с. 28].

Дискурс не герметичен, он находится в постоянном взаимодействии с другими дискурсами как в синхронической, так и в диахронической плоскости [16], что обуславливает возникновение и функционирование интердискурсивности. Впервые теория интердискурсивности была обоснована М. Пеше, который считает основным ограничением продуцирования дискурса социально-исторический контекст, при этом текст приобретает какое-либо значение только при его соответствии тем условиям, в которых он создается, а нечто подразумеваемое, имплицитное является частью дискурса, не будучи фиксированным в тексте [22].

Изучение художественного текста не только как герметичного по своим характеристикам феномена, но и как условия порождения художественного дискурса, обуславливает усиливающийся интерес к механизмам диалогического взаимодействия автора и читателя, которые в условиях эстетической коммуникации становятся адресантом и адресатом эстетического высказывания соответственно. Понимаемый как общее для автора и читателя семиотическое пространство, дискурс закономерно опирается на интертекстуальность и интертекст как основополагающие компоненты такого пространства. Новые смыслы в художественном тексте возникают в процессе интертекстуальной игры с элементами других текстов, при этом обеспечение тексто- и смыслообразования может происходить и в процессе реализации интердискурсивности, которая направлена на «переключение» читателя «на другую систему знания, кодов и другой тип мышления в сознании реципиента» [24, с. 228].

Сознание читателя воспринимает различные интертекстуальные включения, участвуя тем самым в «разгерметизации текста» [24] и – шире – осуществляя процесс интересубъективности, реализуемый при опоре на фоновые знания участников эстетической коммуникации. Можно с уверенностью говорить об обусловленности семантико-когнитивной связности дискурса теми фоновыми знаниями, которые являются общими для участников коммуникации, что в наибольшей степени характеризует художественный дискурс как процесс диалогического взаимодействия автора и читателя. Очевидно, что интертекстуальность, которая может быть маркирована в текстово-дискурсивном пространстве различными прецедентными феноменами, способна формировать в том числе и интердискурсивность.

Проблематика настоящего исследования обуславливается усиливающимся интересом лингвистов к проявлению взаимодействия дискурса с лингвокультурным пространством, в котором определяющее значение имеют фоновые знания участников коммуникации. Прецедентные феномены характеризуются важными для эстетической коммуникации функциями, объединяя когнитивный и смысловой компоненты. Художественный дискурс в параметрах интересубъективности должен быть осмыслен с позиций корреляций

читательского восприятия и авторского замысла, что не исключает, даже при совпадении общего культурного опыта и фоновых знаний, «эффекта обманутого ожидания», отвечающего авторской интенциональности.

Цель исследования заключается в обосновании коммуникативно-прагматического статуса прецедентных феноменов, детерминированного в художественном дискурсе облигаторным характером его intersubjectивности.

Задачи исследования определяются его целью: описание многоуровневых корреляций интердискурсивности и intersubjectивности в художественном тексто-дискурсивном пространстве; определение функциональной роли интенциональности в реализации intersubjectивности художественного дискурса; установление лингвистических механизмов, направленных на фокусирование intersubjectивной природы прецедентных феноменов в романе Дж. Харрис «Джентльмены и игроки».

Актуальность исследуемой проблемы. Интердискурсивность является объектом изучения целого ряда гуманитарных наук – от философии, социологии и культурологии до искусствознания, литературоведения и лингвистики, при этом эффективные подходы к ее анализу опираются на постулаты концепций языка, текста, дискурса и интертекста Э. Бенвениста [3], М. М. Бахтина [2], Ю. М. Лотмана [11], но наибольшее влияние на формирование методологического инструментария оказывает концепция дискурса, выдвинутая и обоснованная М. Фуко [22].

Все категории дискурса в различной степени intersubjectивны, поскольку intersubjectивность является одним из конституентов сознания. Участвуя в формировании картины мира, intersubjectивность способствует корректной интерпретации центральных концептов конкретной культуры благодаря тому, что обеспечивает функционирование релевантных конкретному историческому периоду и культуре механизмов обработки знаний. Современные исследования дискурса характеризуются многоаспектностью: в частности, они направлены как на выяснение междисциплинарной парадигмы теории дискурса [4], так и на установление лексико-грамматических способов, обуславливающих собственно диалогическую природу дискурсивной деятельности [8]. Кроме того, особое значение в отношении художественного дискурса приобретает категория ирреальности [5], которая разнопланово структурирует планы повествования и образ самого рассказчика (нарратора) [14].

Актуальность исследования обуславливается необходимостью выяснения роли intersubjectивности в процессе реализации прецедентных феноменов в художественном дискурсе, что закономерно «разгерметизирует» текст, создавая значимые перспективы для его функционирования как диалогического взаимодействия автора и читателя, актуализируя множественность интерпретаций и одновременно фокусируя внимание адресата эстетического сообщения на важных для декодирования авторского замысла смыслах.

Материал и методы исследования. Материал исследования – текст романа Дж. Харрис «Джентльмены и игроки» в оригинале [26] и переводе [21] (первая публикация – 2005), в котором методом направленной выборки выделены микро- и макроконтексты, репрезентирующие прецедентные феномены. Методы исследования включают сравнительно-сопоставительный метод, метод анализа и синтеза, коммуникативно-прагматический и дискурсивный анализ, филологическую интерпретацию, позволяя выявить и описать intersubjectивность художественного дискурса.

Результаты исследования и их обсуждение. Коррелятивные связи дискурса и текста актуализируют проблематику сходства и различия категорий, формирующих тексто-дискурсивное пространство на основании вербализации языковой картины мира и presupпозиций адресанта и адресата, которые создают основания коммуникации как таковой. Для текстоцентрического подхода наиболее важной признана тексто-дискурсивная категория диалогичности в ее классическом постулировании М. М. Бахтиным [2], в число

категорий также включены целостность и дискретность, информативность и референциальность, интерактивность и интерсемиотичность. Для дискурсоцентрического подхода приоритетными являются дискурсивные категории, среди которых выделяют конститутивные, жанрово-стилистические, семантико-прагматические и формально-структурные [6, с. 241].

Среди категорий, участвующих в формировании текстово-дискурсивного пространства, одно из центральных мест занимает интердискурсивность, сложным образом коррелирующая с интертекстуальностью и интермедиаальностью, что обуславливает внимание современной лингвистики к их критериальной дифференциации, типологии интердискурсивности, к изучению интердискурсивности как принципа структурирования дискурса и/или текста, в том числе способов маркирования интердискурсивности, а также к установлению параметров авторской эстетической стратегии в координатах художественного направления, определенного этапа развития культуры и пр. [9], [10], [12], [15], [17], [19], [24]. М. Пеше применяет в отношении интердискурсивности «автоматический анализ дискурса» [28, с. 16], доказывая, что «всякий дискурс – в силу того, что существует и функционирует в системе других дискурсов – отражает в своем “телесном” составе, в репертуаре своих, в том числе возможных, высказываний, – другие и многие дискурсы, и следы этих отражений мы обнаруживаем в текстах» [13, с. 267–268]. Диалогические дискурсивные отношения, которые возникают в коммуникации «в результате совмещения базового дискурса и свойственных ему лингвистических характеристик с дополнительными инодискурсивными маркерами» [19, с. 21], образуют когнитивно-прагматическое пространство интердискурсивности.

Фундаментом интердискурсивности и важнейшим свойством дискурса является интерсубъективность, которую трактуют как «общность структур психики, мыследеятельности, опыта и результатов познания различных субъектов, обеспечивающая возможность взаимопонимания и социокультурной идентификации личности» [25]. Интерсубъективность представляет собой результат коммуникативного взаимодействия, манифестированный в социально трансформируемых типических структурах сознания и поведения участников общения [27].

Открытость текста определяется интерсубъективностью, т. к. особые его компоненты (аллюзии, афоризмы и цитаты, реминисценции и пародии) способны формировать и поддерживать интертекстуальные и интердискурсивные связи. Эти значимые для открытости текста компоненты функционируют в прецедентном культурном пространстве, реализуя интертекстуальные связи лингвистическими средствами. И. В. Арнольд именует их интертекстемами [1, с. 25]. Прецедентные тексты являются источниками интертекста; это познавательно и эмоционально значимые для конкретной личности тексты, известные ее окружению, в том числе современникам и предшественникам, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [7, с. 105]. Г. Г. Слышкин отмечает необходимость учета цельности, связности прецедентного текста, а также его ценностной значимости для конкретной культурной группы [18, с. 29].

Сознанию присуща интенциональность, обуславливающая для субъекта значимость объекта: «всякий интенциональный опыт <...> имеет свой “интенциональный объект”, то есть свое объективное значение <...> иметь значение, мыслить “о чем-то” – кардинальное свойство всякого сознания» [27, с. 261–262]. Сознание обретает значения в процессе реализации интенциональности, что определяет ориентацию личности в мире. Именно интенциональность сознания придает коммуникативным категориям дискурса интерсубъективный характер.

Взаимный обмен опытом, являющийся центральной функцией интерсубъективности, с наибольшей интенсивностью реализован в диалогической коммуникации, характеризующейся особой интенциональностью. Отметим, что такой обмен вполне могут характеризовать и отсроченность самого диалогического взаимодействия, и неосознанность.

Художественный дискурс всегда intersubjectiven, однако актуализация диалогичности эстетической коммуникации происходит не на всех уровнях текстово-дискурсивного пространства. И в этом отношении прецедентные феномены, реализуя интердискурсивность, являются доминантами intersubjectивности, поскольку вне их корректного декодирования значимая часть эстетической информации, адресованной автором читателю, оказывается невостребованной и не участвует в реализации авторского замысла.

Прецедентные феномены в художественном дискурсе особым образом ориентируют читателя в процессе конструирования художественной реальности на основании авторского замысла. Однако авторский замысел не может существовать абсолютно изолированно от того, насколько адекватна будет ему рецептивно-интерпретативная деятельность адресата. Прецедентные феномены, ориентированные особым образом на продуцирование прагматически маркированных микро- и макроконтестов, должны быть декодированы в соответствии с авторским представлением о предполагаемом читателе и тех пресуппозициях, которые характеризуют читательскую когницию.

В анализируемом нами тексте романа Дж. Харрис «Джентльмены и игроки» прецедентные феномены участвуют как в создании образов антагонистов-нарраторов, организующих повествование, так и в развитии событийности. Об одном нарраторе читатель знает, что это преподаватель латыни в привилегированной школе Сент-Освальд Рой Стрейтли, о другом рассказчике читатель не знает ничего, т. к. его личность скрыта, и достоверно неизвестен даже его пол. Нарратив, транслируемый от лица обоих рассказчиков, характеризуется наличием определенного набора прецедентных феноменов, при этом в случае Роя Стрейтли бесспорны предпочтения в выборе вида прецедентных феноменов, актуализирующих intersubjectивность как внутри персонажной системы, так и в отношениях «автор – читатель». Анализ переводческих стратегий не являлся одной из задач в проведенном исследовании, стоит отметить, что обращение к переводу романа Дж. Харрис неслучайно: посредством применения сравнительно-сопоставительного метода и коммуникативно-прагматического анализа можно сделать определенные выводы о переводческих стратегиях, что в целом является косвенным результатом изучения прецедентных феноменов в художественном дискурсе.

Главы, актуализирующие повествование от лица Роя Стрейтли, содержат разнообразные микро- и макроконтесты, в которых прецедентные феномены становятся доминантами организации художественного дискурса, поскольку ориентируют читателя в процессе воссоздания образа этого героя не только как преподавателя латыни в привилегированной школе, который заведомо должен иметь очень качественное классическое образование, но и как человека, развитого разносторонне, интересного и уравновешенного собеседника с безупречным чувством юмора и отличающегося самоиронией. Так, в следующем макроконтесте “since the first day back I’ve had the feeling that someone was watching me, closely and without kindness. I imagine Caesar must have felt the same when the Ides of March came around” [26] / «С первого дня триместра возникло ощущение, будто за мной кто-то следит, пристально и с недобрыми намерениями. Наверное, так же себя чувствовал и Цезарь, когда настали мартовские иды» [21] обращает на себя внимание сравнение Роем Стрейтли собственных чувств с эмоциональным состоянием Цезаря, которому прорицатель, по сведениям Плутарха, предрек смерть в мартовские иды и который все же был убит Гаем Кассием Лонгином и Марком Юнием Брутом именно в этот день, 15 марта, который изначально отмечался римлянами как начало Нового года и был посвящен чествованию богини Анны Перенны. В тексте перевода особо обращает на себя внимание стремление сохранить значение целого, чему способствует во многом стратегия переадресации, направленная на коррекцию коммуникативной направленности высказывания (I imagine / Наверное). Очевидно, что intersubjectивность художественного дискурса может быть реализована только в случае, если читатель обладает достаточными знаниями

для декодирования прецедентной ситуации с тем, чтобы проецировать ее на состояние самого нарратора.

Объективируя связи конкретного текста с другими текстами и/или напоминая о фиксируемом в культурном пространстве образе, интертекстуальность выступает основой для выявления корреляции авторского замысла в целом или отдельного компонента художественной реальности и такого образа, который способен на основании интертекстуальных связей получить новую интерпретацию [20]. Эта новая интерпретация является результатом взаимодействия сознания с текстом, что обусловлено имманентными этой семиотической системе свойствами, прежде всего ее диалогичностью. Генерация новых смыслов текста возникает в случае, если читательское восприятие деавтоматизировано за счет распознавания интертекста и прецедентности как более масштабного и сложного явления.

Так, например, в следующем текстовом фрагменте примечательно прецедентное высказывание, которое, бесспорно, представляет собой интертекстему, обладающую обширным прагматическим потенциалом: “The fees won’t go up,” said Scoones, forgetting his need for peace and quiet. “We’d lose half the pupils if we did that. There’s other grammar schools, you know. Better than this one, if truth be told.” “There is a world elsewhere,” I quoted softly” [26] / – Плату не повысят, – вмешался Скунс, забыв о жажде тишины и покоя. – Если мы это сделаем, то потеряем половину учеников. Вы же знаете, что есть и другие школы, и, по правде говоря, получше нашей. – «Нет, не сошелся клином свет на Риме», – тихо процитировал я [21]. Рой Стрейтли весьма к месту цитирует фразу из трагедии У. Шекспира «Кориолан» (в переводе текста романа использован перевод О. Сороки), маркируя свое ироничное отношение, с одной стороны, к излишней эмоциональности своего приятеля, с другой, самоиронию, в рамках которой есть и имплицитная отсылка к тому предмету, который он преподает, – к латинскому языку. Прецедентное высказывание как интертекстема, безусловно, апеллирует к интересубъективности: вне декодирования высказывания как цитаты из знаменитой шекспировской трагедии невозможно восприятие иронической оценочности персонажа, к тому же переводчик получает возможность осуществить импрессивную эквивалентность вне стратегий доместикации и форенизации, что возможно за счет обширного коммуникативно-прагматического потенциала прецедентных феноменов.

Интертекстуальные включения и прецедентные феномены способствуют активизации внимания адресата эстетического сообщения, акцентируют его восприятие целостного текстового пространства и отдельных его компонентов с тем, чтобы декодирование такого сообщения было корректным и успешным. Автор и его текст всегда ориентированы на диалог с читателем: «...в процессе создания текста писатель одновременно из огромного числа потенциально данных ему материалов (традиции, ассоциации, предшествующее собственное творчество, тексты окружающей жизни и пр.) создаёт некоторый канал, через который пропускает возникающие в его творческом воображении новые тексты, проводя их через пороги трансформаций и увеличивая их смысловую нагрузку <...> Читатель повторяет этот процесс в обратном направлении, восходя от текста к замыслу» [11, с. 120]. «Толерантное» приращение смысла [11, с. 120] обусловливается асимметричным характером взаимодействия автора и читателя, что в целом актуализирует интертекстуальность и интердискурсивность как важнейшие категории текста, обусловливаемые интересубъективностью художественного текстово-дискурсивного пространства.

В текстово-дискурсивном пространстве не все дискурсы равноправны, находясь зачастую в отношениях подчинения или противоречия. Реконтекстуализация текста обеспечивает транслирование текста в иной, изначально не связанный с этим текстом дискурс, что обуславливает появление интердискурсивных связей. Так, например, в следующем фрагменте отметим музыкальный термин *sotto voce* (букв. с ит. ‘вполголоса’): «“Headmaster, I believe you may have misread that last item. The Classics office is still in use. It is most

certainly not defunct. And neither am I,” I added sotto voce, with a glare at the Germans» [26] / «— Господин директор, мне кажется, вы неверно прочли последний пункт. Кабинет кафедры классики используется по назначению. Он ни в коем случае не бывший. Так же, как и я, — добавил я sotto voce, кинув взгляд на немцев» [21]. Термин, который употребляет Рой Стрейтли, неслучаен: это не просто фраза, сказанная шепотом, но высказывание, которое выделяется своим драматизмом и глубиной на фоне сказанного обычным тоном. Основной целью приема sotto voce является создание атмосферы доверительности и сдерживаемого чувства на основании драматического контраста в отношении общего фона высказывания. Для Роя Стрейтли очень неприятно ощущение постепенной утраты значимости его предмета, классического для всех привилегированных школ, и поэтому передача кабинета, в котором он преподает латынь, в ведение кафедры немецкого языка является для него поистине драматической ситуацией, требующей соответствующих выразительных средств. Очевидно, что интерсубъективность как одна из ведущих прагматических целей прецедентных феноменов становится возможной лишь при опоре на фоновые знания читателя как адресата эстетической коммуникации и равноправного участника художественного дискурса.

Выводы. Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Интерсубъективность определяет в разной степени характеристики всех категорий дискурса, поскольку является одним из конституентов сознания. Именно интерсубъективность позволяет корректно интерпретировать концепты конкретной культуры, участвуя в формировании картины мира, национальной и индивидуально-авторской. Обеспечивая функционирование прецедентных феноменов в художественном дискурсе, интерсубъективность способствует открытости текста, что, в свою очередь, обеспечивает диалог автора и читателя в процессе эстетической коммуникации, продуцируя художественный дискурс.

Интертекстуальные и интердискурсивные связи, объективируемые в художественном тексте, возникают благодаря интерсубъективности, однако текстовые единицы, обеспечивающие функционирование интертекстуальности и интердискурсивности, могут функционировать только в пространстве культуры, которое по своей природе прецедентно. Объединяя когнитивный и прагматический компоненты художественного дискурса, прецедентные феномены во многом обуславливают множественность интерпретаций художественных смыслов.

В тексте романа Дж. Харрис «Джентльмены и игроки» прецедентные феномены целенаправленно функционируют в семантическом пространстве художественного дискурса как диалогического взаимодействия автора и читателя, участвуя в формировании образов персонажей и оказывая влияние на декодирование читателем характеров героев и событийности. Для Роя Стрейтли, одного из нарраторов романа Дж. Харрис, свойственен определенный репертуар коммуникативно-прагматических средств реализации интерсубъективности, среди которых прецедентным феноменам принадлежит одна из центральных ролей. Интерсубъективность прецедентных феноменов в этой нарративной зоне актуализирована как в самой системе персонажей, так и в отношениях «автор — читатель». Благодаря прецедентным феноменам в высказываниях этого персонажа само воссоздание образа читателем получает возможность корректной реализации. Интерсубъективность в этом романе осуществляется как эстетическая коммуникация автора и читателя при апеллировании к фоновым знаниям читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999. — 156 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1986. — 444 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. / Под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю. С. Степанова. — М. : Прогресс, 1974. — 446 с.

4. Венедиктова Т. В. Филология sub specie communicationis: в поиске «сопряжений» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2024. – № 6. – С. 120–130. – DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-06-8
5. Дружинин А. С., Лаврова Н. А. Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 87. – С. 23–54. – DOI 10.17223/19986645/87/2
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М. : Русский язык, 1986. – С. 105–123.
8. Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеология молчания: держать язык за зубами // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2023. – № 4. – С. 21–36. – DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-2
9. Колобова К. С. Интердискурсивная природа произведения Г. Грасса «Мое столетие» // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2017. – Вып. 39. – С. 157–162.
10. Кремнева А. В. Интертекстуальность, интердискурсивность, интермедальность: точки соприкосновения // Филология и человек. – 2017. – № 2. – С. 57–70.
11. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – СПб. : Азбука, 2015. – 416 с.
12. Олишко Н. С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 15. – С. 95–104.
13. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 267–268.
14. Рощина О. С. Нарратор в романе Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 192–198. – DOI 10.17223/18137083/70/15
15. Сачава О. С. Интердискурсивность: синхрония и диахрония // Язык. Текст. Дискурс. – 2011. – № 9. – С. 76–83.
16. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
17. Силантьев И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. – М.: Языки славянской культуры, 2006. (Смоленск : Смоленская обл. тип. им. В. И. Смирнова). – 222 с.
18. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М. : Academia, 2000. – 141 с.
19. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. – 2-е изд. – М. : Гнозис, 2014. – 304 с.
20. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29. – URL : <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1995-6/17-29?ysclid=mn0c9j9rk9130885819>
21. Харрис Дж. Д. Джентльмены и игроки / Пер. с англ. Т. В. Старостиной. – URL : <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/419804-dzhoann-harris-dzhentlmeny-i-igroki-litres.html#text>
22. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
23. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс : проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. – СПб. : СПбГУЭФ, 2001. – С. 11–22.
24. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.
25. Brinck I. Intersubjectivity and intentional communication. – URL : https://www.academia.edu/887480/Intersubjectivity_and_intentional_communication
26. Harris J. Gentlemen and Players. – URL : https://royallib.com/book/Harris_Joanne/gentlemen_and_players.html?ysclid=mmggjcuw5w833412533
27. Husserl E. Cartesian Meditations: an introduction to phenomenology. – The Hague, Boston, London : Martinus Nijhoff Publishers, 1970. – 175 p.
28. Pêcheux M. Language, Semantics and Ideology. – London : Macmillan, 1982. – 244 p.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026

REFERENCES

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Intertekstual'nost'. – Spb. : Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 1999. – 156 s.
2. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – M. : Iskustvo, 1986. – 444 s.
3. Benvenist E. Obshchaya lingvistika: Per. s fr. / Pod red., s vstup. stat'ej i komment. Yu. S. Stepanova. – M. : Progress, 1974. – 446 s.
4. Venediktova T. V. Filologiya sub specie communicationis: v poiske «sopryazhenij» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2024. – № 6. – S. 120–130. – DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-06-8

5. Druzhinin A. S., Lavrova N. A. Pochemu proshloe irreal'no i chto irreal'nogo v proshlom: kognitivnyy aspekt tipologicheskoy vzaimosvyazi kategoriy irrealisa i proshedshego vremeni glagola // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2024. – № 87. – S. 23–54. – DOI 10.17223/19986645/87/2
6. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.
7. Karaulov Yu. N. Rol' precedentnykh tekстов v strukture i funkcionirovanii yazykovoy lichnosti // Nauchnye tradicii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury. – M. : Russkij yazyk, 1986. – S. 105–123.
8. Kozerenko A. D., Krejdlin G. E. Frazeologiya molchaniya: derzhat' yazyk za zubami // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2023. – № 4. – S. 21–36. – DOI 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-2
9. Kolobova K. S. Interdiskursivnaya priroda proizvedeniya G. Grassa «Moe stoletie» // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. – Tver' : Tverskoj gos. un-t, 2017. – Vyp. 39. – S. 157–162.
10. Kremneva A. V. Intertekstual'nost', interdiskursivnost', intermedial'nost': tochki soprikosnoveniya // Filologiya i chelovek. – 2017. – № 2. – S. 57–70.
11. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchih mirov. – Spb. : Azbuka, 2015. – 416s.
12. Oliz'ko N. S. Interdiskursivnost' kak kategoriya postmodernistskogo pis'ma // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 15. – S. 95–104.
13. Peshe M. Propisnye istiny. Lingvistika, semantika, filosofiya // Kvadratura smysla. Francuzskaya shkola analiza diskursa. – M. : Progress, 1999. – S. 267–268.
14. Roshchina O. S. Narrator v romane E. Vodolazkina «Solov'ev i Larionov» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2020. – № 1. – S. 192–198. – DOI 10.17223/18137083/70/15
15. Sachava O. S. Interdiskursivnost': sinhroniya i diahroniya // Yazyk. Tekst. Diskurs. – 2011. – № 9. – S. 76–83.
16. Serio P. Kak chitayut teksty vo Francii // Kvadratura smysla. Francuzskaya shkola analiza diskursa. – M. : Progress, 1999. – S. 12–53.
17. Silant'ev I. V. Gazeta i roman: Ritorika diskursnykh smeshenij. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2006. (Smolensk : Smolenskaya obl. tip. im. V. I. Smirnova). – 222 s.
18. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyhtekstov v soznanii i diskurse. – M. : Academia, 2000. – 141 c.
19. Sokolova O. V. Tipologiya diskursov aktivnogo vozdejstviya: poeticheskij avangard, reklama i PR. – 2-e izd. – M. : Gnozis, 2014. – 304 s.
20. Suprun A. E. Tekstovye reminiscencii kak yazykovoe yavlenie // Voprosy yazykoznavaniya. – 1995. – № 6. – S. 17–29. – URL : <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1995-6/17-29?ysclid=mn0c9j9rk9130885819>
21. Harris Dzh. Dzhentl'meny i igroki / Per. s angl. T. V. Starostinoj. – URL : <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/419804-dzhoann-harris-dzhentl'meny-i-igroki-litres.html#text>
22. Fuko M. Arheologiya znaniya / Per. s fr. M. B. Rakovoj, A. Yu. Serebryannikovoj; vstup. st. A. S. Kolesnikova. – Spb. : IC «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004. – 416 s.
23. Chernyavskaya V. E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanij // Tekst i diskurs : problemy ekonomicheskogo diskursa : sb. nauch. st. – Spb. : SPbGUEF, 2001. – S. 11–22.
24. Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. – M. : Librokom, 2009. – 248 s.
25. Brinck I. Intersubjectivity and intentional communication. – URL : https://www.academia.edu/887480/Intersubjectivity_and_intentional_communication
26. Harris J. Gentlemen and Players. – URL : https://royallib.com/book/Harris_Joanne/gentlemen_and_players.html?ysclid=mmggjcuw5w833412533
27. Husserl E. Cartesian Meditations: an introduction to phenomenology. – The Hague, Boston, London : Martinus Nijhoff Publishers, 1970. – 175 r.
28. Pêcheux M. Language, Semantics and Ideology. – London : Macmillan, 1982. – 244 p.

The article was contributed on April 1, 2026

Сведения об авторе

Горячева Елена Дмитриевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, <http://orcid.org/0000-0002-5881-7166>, edgoryacheva@sfedu.ru

Author Information

Goryacheva, Elena Dmitrievna – Candidate of Philology, Head of the Department of English of Humanities, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, <http://orcid.org/0000-0002-5881-7166>, edgoryacheva@sfedu.ru